

O.E. Пучнина

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ТВОРЧЕСТВЕ РОЗАНОВА

Аннотация. В статье анализируется теоретическое наследие отечественного философа и публициста В.В. Розанова. Наиболее исследованными являются философско-религиозные идеи мыслителя, мы же обращаем особое внимание на его социально-политические взгляды. В статье делается вывод о том, что при всей парадоксальности и необычности стиля и идей В.В. Розанова, они органично связаны с эпохой и во многом обусловлены культурно-историческим контекстом развития страны в конце XIX – начале XX в.

Ключевые слова: В.В. Розанов; Россия; государство; монархия; культура.

Putchnina O.E. Political issues in the works of Rozanov

Summary. In the article we analyse the theoretical heritage of the russian philosopher and publicist V. Rozanov. Though phylosophical and religious ideas of the thinker are the well-known ones, we pay special attention to his sociopolitical views. We also make the conclusion that despite all the antinomy and singularity of Rozanov's ideas and style, they are organically connected with an epoch and in many aspects are caused by cultural historical context of the country's development at the end of XIX – the beginning of XX centuries.

Keywords: V. Rozanov; Russia; state; monarchy; culture.

В истории отечественной мысли конца XIX – начала XX в. имя Василия Васильевича Розанова (1856–1919) прежде всего связывается с религиозной философией. Безусловно, говорить о нем как о самостоятельном политическом теоретике в полном смысле этого слова не приходится. Однако очевидно, что его мировоззре-

нию была присуща редкая черта – особое, комплексное, единое восприятие действительности. Все его размышления философского, религиозного, исторического, политического характера связаны и, так или иначе, опосредованы друг другом. Политическая составляющая творчества Розанова так же важна и незаменима, как и его рассуждения о Церкви, о семье, о русском народе и т.д. Это части одного цельного, хотя и внутренне противоречивого комплекса идей. Размышления же Розанова относительно политических явлений и понятий особенно интересны, поскольку этот неординарный и глубокий философ жил в один из самых тяжелых периодов в судьбе нашей страны, на изломе двух веков, который оказался судьбоносным для российской истории.

Политические идеи Розанова не выражены системно и последовательно, тем не менее почти во всех своих произведениях он касается сущности тех или иных политических явлений, что дает нам основание исследовать этот аспект его творчества и попытаться рассмотреть Розанова именно как политического мыслителя. Для современной политической науки розановские размышления представляют особый интерес, поскольку характеризуются многоаспектностью, синкретичностью и психологичностью. При этом политическая мысль автора «Опавших листьев» находится в общем идейном русле отечественной социально-политической мысли конца XIX – начала XX в., о чем свидетельствует близость тем и подходов у Розанова и других выдающихся мыслителей и философов этого периода.

Анализируя феномены государства, власти, общества, Розанов никогда не рассматривал их абстрактно, как явления вне времени и пространства. Теория ради самой теории не интересовала его. Любые его размышления, прежде всего, конкретны, связаны с судьбой своей родины, своего народа. По мнению писателя, только в том случае они могут принести пользу, когда касаются действительного положения дел, затрагивают самую национальную и природную сущность явления. Отчасти такой подход к творчеству обусловлен юношеским увлечением позитивистскими теориями. Розанов стремился к практической полезности и связи своих идей с конкретными явлениями в жизни России и русского народа.

Как и современники Розанова, исследователи в XXI в. отмечают необычайную близость мыслителя к русской национальной культуре, истории, духу, его органическое принятие и понимание самой сущности русского человека и государства. Например, наш современник Ю.И. Сохряков, рассматривая Розанова наряду с К.Н. Леонтьевым, Н.Ф. Федоровым, И.А. Ильиным, И.Л. Соловьевичем, называет его одним из самых ярких выразителей русской национальной идеи в отечественной публицистике XIX – начала XX в.¹

Это сравнение Розанова с другими выдающимися мыслителями его эпохи не случайно и призвано не столько «польстить» нетипичному представителю русского литературно-философского круга, сколько подчеркнуть его с ними органическое идейное сродство. Своеобразные, в непривычном жанре, афористичные и почти неприличные политические суждения Розанова в своей сущности органично вплетены в общую канву отечественной социально-политической мысли XIX – начала XX в.

Розанов размышляет как о конкретно-исторических проблемах политического мира, так и о предельно общих понятиях и категориях. Таково, например, его представление о сущности государства вообще. В его основе, по мнению Розанова, лежат не народ и территория, не семья и хозяйство, не научные и ремесленные навыки, не учреждения и постановления власти, а «элементарные и чрезвычайно общие представления о существующем, о должном и о позволительном, которыми бессознательно живет каждый политический народ и в нем каждый отдельный человек, которые вырабатываются в трудном процессе истории и только веками изменяются в нем»². Такой подход к пониманию сущности явлений Розанова можно считать нормативистским и эстетическим, он рассматривает в первую очередь нравственные, ценностные основания.

Горячая любовь к России и ко всему русскому часто сочетается в Розанове с неумолимой критикой, когда он рассуждает о свойствах русского народа. Он ругал не столько «порядки отечества», сколько всегдаший беспорядок в нем. Его критические суждения о не всегда лестных особенностях национального характера, проблемах государственного управления, засилье бюрократии, кризисе образования, вопросах отношения к собственности

и труду не теряют своей актуальности, увы, и по сей день. «Настоящий патриот всегда недоволен», – говорил он, но патриот никогда не обмолвится против «русского духа и русской земли». «При грубости, нервности, порой даже ругани “русских порядков” в душе горит вечный (никому не заметный) огонь любви, и бесконечной любви, к русскому в целом»³. Розанов отметил одну из черт специфического национального характера: «Сам я постоянно ругаю русских. Даже почти только и делаю, что ругаю их. Но почему я ненавижу всякого, кто тоже их ругает? И даже почти только и ненавижу тех, кто русских ненавидит и особенно презирает»⁴. Отношение к русскому народу у Розанова сродни отеческой любви, он видит все недостатки, но от этого меньше не любит. «Симпатичный шалопай – да это почти господствующий тип у русских»⁵, – пишет мыслитель почти что с одобрением и нежностью.

Размышляя о сущности народной жизни в России, Розанов указывал, что для русского человека общественное и политическое практически не пересекаются. В сборнике «О писательстве и писателях» он указывал на особое отношение русских людей к началам государственности и власти. Это отношение является, по Розанову, практически «родовым» отличием нашего народа – отсюда все его беды и в этом его особая прелест. Этой чертой русских писатель считал глубокую и органическую аполитичность. «Мы аполитичны, *вне*-государственны… Такого глубочайше анархического явления, как “русское общество” или вообще “русский человек”, я думаю, никогда еще не появлялось на земле. Это что-то… божественное или адское, и не разберешь»⁶. Причину такого положения писатель видит в том, что «все на Руси “музыканят” и, кроме “музыки”, ничем в сущности и не занимаются. То есть все занимаются вещами сладкими, личными, душевными…»⁷. Возможно, и такой пресловутый «аполитизм» самого Розанова, в котором его неоднократно обвиняли в истории, лишь доказывает его глубочайшую и органическую связь и единство со своим народом.

Рассуждения Розанова относительно политических свойств русского народа, выраженные буквально одним, не особенно понятным сперва словом «музыканит»⁸, вскрывают многослойность смыслов и отношений автора к проблеме, а также прекрасно иллюстрируют его метод познания, обусловливающий в свою очередь специфику всего мировоззрения.

С другой стороны, в такой розановской оценке русского народа чувствуется и тень осуждения. Современный розановед И.В. Кондаков указывает, что в слове «музыканить» содержится что-то пренебрежительное, даже уничижительное – типа тарабанить, балаганить, бакланить, колошматить, тренькать, пробавляться музыкой, развлекаться игрой бездумно, бесцельно, для собственного удовольствия. И с этой точки зрения такой уход народа в «музыку» можно понять как способ безответственного существования, полусознательного отвлечения от насущных проблем жизни и политики⁹.

Розанов идет дальше, обличает такую черту душевной организации русского народа как губительную для его жизненной силы. «И сказалась мне страшная вещь: <...> Э, народ болтун. Праздный, бездельный народ <...> совсем дрянь народ. Какой же толк из него может выйти, раз он все поет, музыканит,казывает сказки и шутит прибаутки. Решительно надо бы собрать не серьезные пословицы, а прибаутки русского народа. Тогда балаган русской жизни или “русская жизнь в балагане” – восстал бы в полном ряде. “Паршивый народ”, – подумал я отчаянно... Отчаяние... Ни философом, ни ученым, ни политиком такой народ не станет. И мы прогуляли царство»¹⁰.

Горечь, с которой критикует Розанов русский народ, соразмерна с его к нему же любовью, он так писал сам об этом парадоксе: «Почти нашел разгадку: любить можно то или того, о ком сердце болит»¹¹. Э.Ф. Голлербах отмечал, что философ любил Россию страстной, ненасытной, преданной любовью, но это была не слепая любовь или зоологический патриотизм, а вера и безмерная нежность к стране и народу. Розанов в одном из писем к Голлербаху давал такое напутствие русскому человеку: «До какого предела мы должны любить Россию: до истязания, до истязания самой души своей. Мы должны любить ее до “наоборот нашему мнению”, убеждению, голове. Сердце, сердце, вот оно»¹².

Для познания социальной и политической действительности Розанов часто использует метод сравнения. Например, проводит параллели в развитии своего народа с другими – англичанами, немцами, французами, американцами, и всегда подчеркивает отличие русского народа от них. Так, в небольшой, но яркой зарисовке-сравнении разворачивается картина громадных культурных

различий национального характера: «Англичане же, первый деловой народ в мире, не имеют просто песен и выписывают музыку из-за границы. Зато какие чудовищные станки. Фабрики. И вся стоит на каменном угле»¹³.

Сравнивая русских с немцами, Розанов указывает на «мужественность», «железность» последних в противовес нашему «женственному началу». Но здесь мыслитель не видит какого-то порока или ущербности, наоборот, это противопоставление призвано подчеркнуть скорее богатство нашего духовного мира, тонкость и мягкость внутренней организации русского общества и человека. Он восстает против извечного желания подделаться, подстроиться, превратиться в другой народ. «Нужно ли нам переделываться в Германию? Нет. Тогда зачем Русь? „Две Германии“. Но удвоений в истории не бывает»¹⁴. Писатель подчеркивает, что наш народ не хуже и не лучше, не слабее, не мудрее, он – другой. Судьбу нашей родины Розанов сравнивает с черепахой – жесткий, крепкий череп снаружи и «нежное, вкусное мясо»¹⁵ внутри.

В статье «Возле русской идеи»¹⁶ (1911) мыслитель пишет, что «“женственное качество” у русских налицо: уступчивость, мягкость. Но оно оказывается как сила, обладание, овладение. Увы, не муж обладает женою, это только кажется так, на самом деле жена “обладает мужем”, даже до поглощения. И не властью, не прямо, а таинственным “безволием”, которое чарует “волящего” и грубого и покоряет его себе»¹⁷. Русские, по мнению Розанова, беззаботно отдаваясь чужим влияниям, непременно требуют в том, чему отдаются, – кротости, любви, простоты, ясности. Размыщляя о возможном исходе Первой мировой войны, Розанов пишет: «Покорение России Германию будет на самом деле, и внутренне, и духовно, – покорение Германии Россиею. Мы, наконец, из них, – из лучших из них, – сделаем что-то похожее на человека, а не на шталмейстера»¹⁸. «Русские принимают тело, – пишет Розанов, – но духа не принимают. Чужие, соединяясь с нами, принимают именно дух»¹⁹. Возможно, именно в этом причина того, что многочисленные в нашей истории иностранные, искусственные «привнесения» и «новшества» в нашу общественно-политическую реальность не смогли прижиться, установившись формально, не были приняты и поняты глубинно-русским человеком, русской душой.

С социально-культурной точки зрения, отмечает Ю.И. Сохряков, все произведения, написанные Розановым, проникнуты одной мыслью – мыслью о Родине, о русском народе. Сохряков подчеркивает, что Розанов старается увидеть самую сущность русского человека, сравнивая его с другими, ища ему одному органически присущие черты. При этом он всегда остается человеком, бесконечно преданным и любящим свою родину и свой народ: «Может быть, народ наш и плох, но он – *наш*, наш народ, и это решает все. От “своего” куда уйти? Вне “своего” – чужое»²⁰.

Мыслитель, пусть и не явно, но прорисовывает «национальный» характер русского народа, с его державным инстинктом, с христианским нравственным мирочувствованием, простодушием и отсутствием должного самоуважения. И как бы отвечая тем, кто упрекал Россию в нецивилизованности, Розанов категорически утверждал, что русский народ более чем цивилизован, он – культурен, ибо культура – не в книжках, но в совести, душе, правде, Боге.

Примечательно, что грядущую войну с Германией 1914–1918 гг. Розанов воспринимал именно как цивилизационно-духовный конфликт славянской и германской культур, в очередной раз указывая на разницу в нравственном базисе двух народов. Немецкому народу Розанов отказывал в истинной и бескорыстной духовности. По его мнению, вся их культура была в значительной мере подчинена гегемонистским устремлениям, и философия лишь служила тому обоснованием. Философ подчеркивал нравственный упадок народа-соперника: «Не “испорченная механика”, а “испорченный человек” – вот что стоит в сердцевине Германской империи»²¹. Розанов пишет о Германии, что все силы, «весь ум и душа» ее народа уходит на строительство государства. Когда строишь «настоящую государственность» – «империю Бисмарка», когда хочешь получить победы, блеск, славу, – простились с литературой.

Более того, Розанов идет дальше и говорит об опасности идеи мессианизма, приводящей к страшным последствиям, причем вновь подводит к этой мысли через, казалось бы, несущественные и почти незаметные приметы. «Германия решительно и деловым образом потребовала себе первенства во всемирной цивилизации, сорок лет подготавливаясь к войне, и начав войну с потерей миллионов людей, и убивая миллионы людей у соседних народов во имя

того, что никто так не умеет выделять зубных щеточек, как “германский человек”. Если взять зубную щетку, сделанную русским, то щетина вываливается, как только вы взглянули на нее; если ее сделал итальянец, то щетина вываливается, когда вы по ней провели рукой. И у француза или англичанина вываливается месяца через четыре после употребления щетки. Но немец, долго размышляя, сделал наконец такую щетку, из которой щетина никогда не вываливается. Он назвал ее “вечною щеточкою” и прибавил “для универсального употребления”. Он взял на нее патент у отечества, повез ее в Англию, привез ее во Францию, не говоря уже о России и Италии, о Турции и Румынии. Причем везде решительно увидели, что из германской зубной щеточки и вообще из германских щеток всяких сортов, величин и предназначений щетина действительно никогда не вываливается.

Кайзер это сообразил, нация это сообразила. Все сделали “умозаключение”, что они станут самым богатым народом в свете, если зубные щетки, гигроскопическую вату, оптические стекла, всякие медикаменты, наконец, всякие вообще инструменты, машины и технику будут поставлять одни на весь свет. На Россию, на Америку, на Китай. Наконец, даже во Францию и Англию. “Мы забьем всех. Но надо раньше всех побить и принудить брать и пользоваться единственно вечною зубною щеткою *made in Germany*”. Война, как обнаружилось решительно и окончательно, ведется за техническое, коммерческое и промышленное подавление Германией всего света. Но как “предпосылка” техники и промышленности – политическое преобладание Германии во всем свете. “Помилуйте, мы изобрели сальварсан. У нас и Эрлих и Кох. У нас Гельмгольц, Бунзен и Моммзен. Разве это не права на управление миром? Умственные права. Мы живем в век разума, опираемся на разум, у нас разум – первый в мире. И мы будем организовывать человечество”. А все началось с зубной щеточки²².

Эта зубная щетка в розановской статье вырастает в символ спеси и высокомерия Германии, которая из своего технического, коммерческого и интеллектуального превосходства над другими народами сделала культ и оправдание своим милитаристским устремлениям²³. Действительно, слишком современными выглядят эти рассуждения Розанова сегодня – меняются декорации, лозунги, страны – «зубные щеточки» сменяют новые технологии и «айфоны

последней модели», а вероломное ханжество прячется под маской универсальных «демократических ценностей», однако суть происходящего, к сожалению, остается той же и в ХХI в.

В 1916 г. Розанов писал: «Удивительно, что никому не пришло на ум, “как это место опасно”. То есть как опасно вообще и всемирно стремиться к первенству, исключительности, господству. <...> Оно кружит головы, рождает чары, рождает силы, творит положительное безумие. Народы, порывающиеся сознательно к “первому месту на земле”, начинают совершать явно безумные поступки, очевидные со стороны, но нисколько не видимые самим носителем “всемирной миссии”»²⁴. Для Розанова ясен глубинный смысл и конечный итог происходящего, понимание истинного положения человека, народа, страны должно быть религиозно-космологическим: «“Первое место”, очевидно, принадлежит Богу и не принадлежит и никогда не должно принадлежать человеку или группам его, народам. Отсюда-то и объясняется безумие. Мы, собственно, хотим сесть на “Божье место”. Хотим – Престола Божия для себя. И, естественно, летим “вверх тормашками”»²⁵.

В статье «Война как воспитание» из сборника «Война 1914 года и русское возрождение» Розанов говорит о том, что именно война доказала жизненность забытых было славянофильских идей. Всех сближает православие, а это почти синоним славянофильства, по мнению мыслителя. И поскольку у немцев господствует «умственная пошлость» и только напускное почитание бога, то исход войны зависит от приверженности русского народа идеям православия: «Бога нельзя забыть – вот что говорит народная и славянофильская Россия»²⁶.

Розанов подчеркивал необходимость существования твердой религиозной веры для существования отечественной государственности вообще в связи с особым отношением русского человека к государству и политике. Говоря о глубокой духовности своего народа, его внимании к своей внутренней жизни, Розанов указывал на обратную сторону медали – а именно невнимание к политической составляющей общественной жизни. Он пишет так: «Русские “музыканят” и ни малейше государства не делают. Отношение к нему – “черт бы его побрал”»²⁷, и в этом Розанов видит весь нерв русской духовной жизни. Русское в высшей степени художествен-

ное «ничегонеделанье» гораздо тоньше, углубленнее, нежнее, интимнее, это сама русская душа без предела и горизонта.

Более того, Розанов видит в «лени» метафизический принцип Руси. И по его мнению, «“лень”-то именно нас и охраняет от самых ядовитых зол. О, спора нет, что “лень” – дурна, плоха, несносна. При ней – вечно “все не устроено”. <...> Все это отвратительно, пакостно, и почти “так жить нельзя”. Готов крикнуть “не могу молчать!”, нодерживаюсь и начинаю размышлять. Ведь жить-то все-таки, однако, “можно”. В сущности – “можно”. И как ни сорна улица, ни дорога квартира, в театре играют отвратительно, извозчика нигде не найдешь и прочие “несносности”; но дело в том, что в сих мерзопакостных условиях “живешь”, а к вечеру даже набежит кое-какое удовольствишко»²⁸. Такая «лень» выступает отчасти для мыслителя гарантией или, скорее, противоядием от чрезмерного и показного смирения, под которым часто скрываются гордыня и амбиции.

Поэтому и государство для русских, по Розанову, второстепенно, оно необходимо, но никогда не будет являться главенствующим элементом для общества. По существу, народ и правительство параллельны друг другу, хотя писатель со свойственной ему точностью и прозорливостью подмечает, что и правительство тоже «музыкант», так как состоит из тех же русских.

И тем не менее Розанов вовсе не отрицает государство, он относится к нему с уважением, понимая, что функции его необходимы для народа.

«Государство, – внешность. Оно “без души”. Государство “настоящее” *внешнитимно, строго, повелительно, сухо: где нужно – беспощадно*»²⁹.

Именно потому, что государство, по мнению автора, имеет другую природу, нежели общество и потому, что оно должно ограничивать и защищать «мягкость и женственность» русского народа, оно должно быть, прежде всего, сильным. «Государство ломает кости тому, кто перед ним не сгибается или не встречает его с любовью, как невеста жениха. Государство есть сила. Это его главное»³⁰. Вот почему единственный порок – слабость. «Слабое государство не есть уже государство, а просто нет»³¹. Возможно, и острое предчувствие и неприятие грядущей революции связано для Розанова с тем, что были расшатаны самые основы тради-

ционной государственной жизни. Народ, будучи таким далеким от политики, легко и покорно был увлечен властным революционным вихрем сверху.

Поэтому для Розанова естественной и единственной возможной формой правления выступает монархия. Только такая форма правления органична для русского народа. Обосновывая это положение, Розанов выступает отчасти как последователь географического детерминизма, указывая, что в наших природных и климатических условиях всякие другие формы управления просто невозможны. «Голод. Холод. Стужа. Куда же тут республики устраивать? Нет, я за самодержавие. Из теплого дворца управлять “окраинами” можно. А на морозе и со своей избой не управишься»³². Не понимать этого, по мнению Розанова, могут только люди, находящиеся «в своем тепле», не видевшие ничего другого и не знакомые с настоящей действительностью. К таким людям писатель относит декабристов, А.И. Герцена, Н.И. Огарева и т.д.

В статье «С вершины тысячелетней пирамиды» Розанов, размышляя над сущностью самой русской истории, говорит, что учреждение царской власти стало для Руси поворотным моментом, благодаря которому государство «закрепилось» в мировой истории вообще, приобретя необходимую обоснованность и устойчивость. Розанов пишет: «Царская власть есть духовное и личное осмысление всей Руси, и ничего здесь не деля, а только целебно соединяя и совмещая, мы бы повторили народное и благодатное народное слово: “как на Небе – Един Бог, так на Земле Един Царь”. <...> Русь получила в царской власти то, чего ей недоставало в родовом быте: землеприкрепление, плането-прикрепление. Русь с царской властью начинала тверже держаться на планете, “больше светиться в подсолнечной”»³³.

Необходимость монархической формы правления для нашей страны писатель объясняет не только объективными обстоятельствами природных условий, но и душевными склонностями русского народа. Оценивая монархию, как и все другие общественные и политические явления, эстетически, Розанов считает, что для нее нужны специальные способности. Например, по его мнению, французы не способны к такой форме правления. «У них нет... нормальных монархических чувств. Они не способны к любви, привязанности, доверию, обожанию. Какая же может быть тогда

монархия?»³⁴. «“Любить Царя” – есть действительно существо дела в монархии и “первый долг гражданина”: не по лести и коленопреклонению, а потому что иначе портится все дело»³⁵. Если для русского человека «государство» не выступает персонифицировано как «государь», то оно чужое, внешнее, мертвое. Любовь к царю, по Розанову, должна идти от сердца, изнутри самого человека. Такое чувство, заключает философ, не может родиться в России из разума, и в этом его сила.

Примечательно, что, по мнению Розанова, истинный правитель должен обязательно вырасти в монаршой семье, быть с детства подготовленный к своей миссии и огромной ответственности. Не обожествляя личность правителя, философ видит в нем прежде всего человека со всеми его страстями, поэтому и указывает на обязательность наследственной монархии. В противном случае пришедший к власти будет стремиться сначала «устроиться», а «“урожденный” не имеет этой нужды: вечно “признаваемый”, совершенно не оспариваемый, он имеет то довольство и счастье <...>»³⁶, которое позволяет ему желать только такого же для всего своего народа. Мыслитель указывает, что все беды государей в нашей стране были от того, что в них усомнились. «Поэтому не оспаривать Царя есть сущность царства. Поразительно, что все жестокие наши государи были именно “в споре”: Иван Грозный – с боярами и претендентами; Анна Иоанновна – с Верховным Советом, и тоже – по неясности своих прав; Екатерина II (при случае – с Новиковым и прочее) тоже по смутности “восшествия на престол”»³⁷.

О консервативных предпочтениях мыслителя свидетельствует следующее признание: «Я понял, что в России “быть в оппозиции” – значит любить и уважать Государя, что “быть бунтовщиком” в России – значит пойти и отстоять обедню. <...> Я вдруг опомнился и понял, что идет в России “кутеж и обман”, что в ней всталла левая “опричнина”, завладевшая всею Россиею и плещущая купоросом в лицо каждому, кто не примкнет “к оппозиции с семгой”. <...> И пошел в ту тихую, бессильную, может быть, в самом деле имеющую быть затоптанную оппозицию, которая состоит в: 1) помолиться, 2) встать рано и работать»³⁸.

Розанова можно отнести к «хранительному» направлению русской мысли³⁹, которое «шире политического консерватизма,

так как включает идею патриотизма, защиты традиционных русских ценностей и традиционной духовности, национального исторического опыта, национальной культуры, русского языка, православной веры⁴⁰. Как верно отмечает польский исследователь творчества Розанова Й. Дец, в политическом наследии философа отчетливо прослеживаются две линии – аргументы в защиту самодержавия и выступления против анархии⁴¹. И даже если мыслитель видит объективные недостатки в существующем правлении, тем не менее он высказываеться в духе созидательного консерватизма: «Да, может быть и неверен “план здания”, но уже оно бережет нас от дождя, от грязи, и как начать рубить его?»⁴². Розанов, по мнению нашего современника В.Н. Жукова, весьма позитивно оценивает власть как институт⁴³. Так, Розанов пишет: «Каков бы ни был поп, пьяный или трезвый, – а он меня крестил. Вот основание ко “всякой сущей власти” относиться все-таки с уважением. Не кричать на нее, не хулиганить с ней, не подкапываться под нее. Ибо она была до меня, в ее гимназии я выучился, да... вероятно она меня и “похоронит”. Мы слишком “промежуточные”»⁴⁴.

Но Розанов отчасти разводит понятия государства, правительства, власти и монарха, самодержца. Самодержавие для писателя имеет сакральный смысл, в царе он видит «кусочек Провидения», которого стоит бояться и поэтому ему необходимо повиноваться. Более того, мыслитель считает, что именно через самодержавие русский народ может выразить себя в мире, это его миссия и его обязанность. Так как царь (у Розанова почти всегда – «Царь») «допуская к повиновению себя – он и нас, обыкновенных, приобщает к мировой роли»⁴⁵. Писатель не питает иллюзии по поводу роли и личности монарха. Розанов указывает, что царствие всякого царя трагично. Это, по мнению мыслителя, – сплошь великое и ответственное. «Ничего нет труднее “должности Царя”»⁴⁶. В такой оценке властного «бремени» в России, как, прежде всего, ответственности, обязательств и жертвы, а не привилегий, Розанов близок взглядам своих современников, например, – С.Н. Сыромятникову, К.П. Победоносцеву⁴⁷.

Совсем другое отношение Розанова к чиновничеству, к людям, в чьих руках находится управление обществом. Если в монархе писатель видит живое творческое божественное начало, то к определению чиновников он подходит инструментально, для

него это техническое явление, а все техническое – умерщвление жизни⁴⁸. Розанов так писал по этому поводу в «Опавших листьях»: «Чиновник съел все вдохновение на Руси. Чиновник – дьявол»⁴⁹. Если ослабляется государство, если истощаются его творческие созидающие силы, то именно чиновничество, по Розанову, начинает играть ведущую роль, а значит, душить все новое и ограничивать традиционное. «Чиновничество оттого ничего и не задумывает, ничего не предпринимает, ничего нового не начинает, и даже все “запрещает”, что оно “рассчитано на маленьких”»⁵⁰. Когда в обществе перестают действовать такие естественные регуляторы народной жизни, как доверие власти, святость Церкви, нравственные ценности каждого человека, то разрастание бюрократического корпуса становится неизбежным, считал Розанов.

Озабоченность растущим аппаратом чиновничества и его удушающим общество характером ярко выразилась в его статье «О подразумеваемом смысле нашей монархии»⁵¹. Лейтмотивом этой работы стала идея, что верховная власть, все больше срашиваясь с бюрократией, теряет в глазах своих подданных свое мистическое предназначение и священный характер. Власть воспринимается обществом не как что-то одухотворенное и живое, а приобретает механически- utilitarный смысл винтика большой машины, о пользе которой люди уже начинают судить критически.

Однако Розанов не был бы самим собой, если бы давал подобным явлениям единственное толкование и оценку. Негативно характеризуя чиновничество, Розанов парадоксально в то же время замечает, что с ним невозможно бороться, поскольку оно обоснованно имеет право на существование, в некотором смысле даже необходимо. Мыслитель в свойственной ему парадоксальной манере указывает на органическую связь чиновника, писателя, адвоката, оратора. Этой связью выступает близость к такому социальному явлению как проституция. Поскольку в содержание всех перечисленных входит мысль – «я принадлежу всем». Чиновничество – «к услугам государства», учений – «насколько он публикуется», писатель – как он востребован. Розанов объясняет логику такого вывода: «Действительно в существо актера, писателя, адвоката входит психология проститутки, т.е. этого равнодушия ко всем и ласковости со всеми»⁵². Розанов продолжает такое эпатажное сравнение, утверждая, что в конечном итоге и «первые госу-

дарства родились из инстинкта женщин проституировать»⁵³. А если это социальное явление естественно, если с ним невозможно бороться, значит, оно должно существовать и значит, оно нужно.

Многогранность и многоаспектность русской политической и социальной жизни схватывал и отражал Розанов как никто другой, в свойственной ему парадоксальной манере изложения и письма отражается особый тип отечественного мыслителя-патриота. Розанов, пусть и не явно, но прорисовывает «национальный» характер русского народа, с его государственным инстинктом, с христианским и нравственным мирочувствованием, простодушием и отсутствием интереса к политике и т.д.

Интересно, что провиденциальный характер творчества Розанова был оценен литераторами Запада. В 1930 г. после прочтения переведенных на английский язык «Опавших листьев» Г.Д. Лоуренс отозвался о Розанове как об «кужасающе современному» писателе, он заметил: «Если бы Толстой увидел сегодняшнюю Россию, он до крайности изумился бы. А Розанов, думаю, вовсе не удивился. Он чувствовал, что это неизбежно»⁵⁴.

Как нам представляется, очевидно, что Розанов был вовсе не аполитичным мыслителем и имел вполне конкретный набор мировоззренческих установок относительно политических проблем его современности. Анализ политической реальности Розанова, хотя и не затрагивает все стороны и сферы современной ему действительности, тем не менее отличается глубиной и нестандартностью подхода. В творчестве Розанова можно выделить самобытные политические идеи: суждения о государстве, монархии, а также не освещенные в данной работе, но тем не менее довольно обширные суждения философа о демократии, либерализме, социализме, революции, причинах и истоках терроризма и других идейно-политических феноменах. Его достаточно выраженные консервативные «хранительные» симпатии получают доказательство и обоснование в оценке Розановым самой сущности государства и русского человека, категорий власти и управления и т.д.

Понимание мыслителем глубинных истоков многих политических процессов позволяет Розанову делать обоснованные и во многом подтвердившиеся предположения относительно будущего развития страны в целом и демонстрирует у мыслителя наличие развитой исторической интуиции.

Анализ политической мысли Розанова свидетельствует о том, что, хотя форма выражения политических идей непривычна, но, по существу, обращение мыслителя ко многим политическим проблемам его современности является отражением общей логики развития консервативной социально-политической мысли конца XIX – начала XX в.

Главной проблемой же современного исследования политического мировоззрения Розанова выступает сложность окончательной идеологической «идентификации» взглядов писателя. Это происходит вследствие самой методологической установки Розанова – любую проблему, и особенно политическую, оценивать нравственно, видеть самую ее сущность, многоаспектность и противоречивость. Поэтому споры об общем направлении его политического мировоззрения, начавшиеся еще при жизни Розанова, не утихают и по сей день. Тем не менее самобытные политические размышления Розанова представляют сегодня особую актуальность и несут в себе большой потенциал не только для расширения наших знаний о предметах собственно политических, но и для понимания всей философской концепции мыслителя в целом.

-
- ¹ См.: Сохряков Ю.И. Национальная идея в отечественной публицистике XIX – начала XX в. М., 2000.
 - ² Розанов В.В. О понимании: Опыт исследования природы границ и внутреннего строения науки как цельного знания. М., 1990. С. 557.
 - ³ Цит. по: Николюкин А.Н. Розанов. М., 2001. С. 384. (Серия «Жизнь замечательных людей».)
 - ⁴ Розанов В.В. Уединенное. М., 1991. С. 39.
 - ⁵ Розанов В.В. Опавшие листья. М., 1992. С. 205.
 - ⁶ Розанов В.В. Собрание сочинений. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Лит. очерки. О писательстве и писателях / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 1996. С. 558.
 - ⁷ Там же.
 - ⁸ Вообще слово «музыканят» впервые было использовано Д.И. Писаревым в пассажах «Прогулка по садам российской словесности» (Русское слово. 1865. № 3. Отд. II «Литературное обозрение». С. 1–68), где он рассуждал о идейном наследии Ап. Григорьева.
 - ⁹ Подробнее см.: Кондаков И.В. «Последний писатель»: В. Розанов между консерваторами и радикалами // Энтелехия. Кострома, 2000. № 1. С. 20–21.
 - ¹⁰ Розанов В.В. Сочинения: в 2 т. М., 1990. С. 445–446.

- ¹¹ Розанов В.В. Опавшие листья. М., 2004. С. 11.
- ¹² Цит. по: Голлербах Э.Ф. В.В. Розанов: жизнь и творчество / Розанов В.В. Уединенное. Опавшие листья. Апокалипсис нашего времени. Статьи о русских писателях / Сост. и comment. В.Г. Сукач. М., 2001. С. 11.
- ¹³ Розанов В.В. Сочинения: в 2 т. М., 1990. С. 446–447.
- ¹⁴ Розанов В.В. Последние листья. СПб., 2002. С. 100.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Розанов В.В. Возле русской идеи (1911). Впервые статья опубликована в сборнике «Среди художников». СПб., 1914.
- ¹⁷ Розанов В.В. Среди художников // Розанов В.В. Собр. соч.: в 30 т. / Сост., подгот. текста и comment. А.Н. Николюкина, комм. А.Н. Николюкина и В.А. Фатеева. М., 1994. Т. 1. С. 353.
- ¹⁸ Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 2000. С. 29.
- ¹⁹ Цит. по: Сохряков Ю.И. Национальная идея в отечественной публицистике XIX – начала XX в. М., 2000. С. 113–114.
- ²⁰ Розанов В.В. Опавшие листья. М., 2004. С. 54.
- ²¹ Цит. по: Фатеев В.А. С русской бездной в душе: Жизнеописание Василия Розанова. Кострома, 2002. С. 542.
- ²² Розанов В.В. Идея «мессианизма». По поводу новой книги Н.А. Бердяева «Смысл творчества» / Н.А. Бердяев: Pro et contra. Антология. Кн. 1. СПб., 1994. С. 276.
- ²³ Сидоренко Ф.Ф., Сургей Л.А. Русская идея в отечественной философской мысли (научно-популярные очерки). Пятигорск, 2012. С. 137.
- ²⁴ Розанов В.В. Идея «мессианизма». По поводу новой книги Н.А. Бердяева «Смысл творчества» / Н.А. Бердяев: Pro et contra. Антология. Кн. 1. СПб., 1994. С. 276–278.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Цит. по: Фатеев В.А. С русской бездной в душе: Жизнеописание Василия Розанова. Кострома, 2002. С. 543.
- ²⁷ См.: Розанов В.В. Собрание сочинений. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского / Сост. А.Н. Николюкина, comment. А.Н. Николюкина, А.В. Панова, С.Р. Федякина. М., 1996. С. 558.
- ²⁸ Розанов В.В. Идея «мессианизма». По поводу новой книги Н.А. Бердяева «Смысл творчества» / Н.А. Бердяев: Pro et contra. Антология. Кн. 1. СПб., 1994. С. 278.
- ²⁹ Розанов В.В. Собрание сочинений. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Лит. очерки. О писательстве и писателях / Под общ. ред. Николюкина А.Н. М., 1996. С. 559.
- ³⁰ Розанов В.В. Опавшие листья. М., 2004. С. 113.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же. С. 125.

- ³³ Розанов В.В. С вершины тысячелетней пирамиды. Размышления о ходе русской литературы // Налепин А.Л., Померанская Т.В. Розанов@etc.ru. М., 2011. С. 370–371.
- ³⁴ Розанов В.В. Опавшие листья. М., 2004. С. 60–61.
- ³⁵ Там же. С. 36.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же. С. 275.
- ³⁹ Концепция русского «хранительства» была предложена М.А. Маслиным и разрабатывается Д.В. Ермашовым, С.В. Перевезенцевым, А.А. Шириняцем и др. Концепция «хранительного» направления русской социально-политической мысли реализована в антологии «Хранители России».
- ⁴⁰ Перевезенцев С.В., Шириняц А.А. В поисках самобытности. Об истоках отечественного национал-консервативного дискурса // Тетради по консерватизму: Альманах. № 3. М., 2017. С. 71.
- ⁴¹ Дец Й. Розанов как политический мыслитель // Наследие В.В. Розанова и современность: Материалы Международной научной конференции. М., 2009. С. 374.
- ⁴² Розанов В.В. Уединенное. Опавшие листья. Апокалипсис нашего времени. Статьи о русских писателях / Сост. и comment. В.Г. Сукач. М., 2001. С. 82.
- ⁴³ Жуков В.Н. Правосознание Розанова // Наследие В.В. Розанова и современность: Материалы Международной научной конференции. М., 2009. С. 357.
- ⁴⁴ Розанов В.В. Мимолетное // Розанов В.В. Собр. соч.: в 11 т. / Сост., подгот. текста и comment. А.Н. Николюкина. М., 1994. Т. 2. С. 330.
- ⁴⁵ Розанов В.В. Последние листья. СПб., 2002. С. 166.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ См.: Сыромятников С.Н. (Сигма). Опыты русской мысли. СПб., 1901. С. 69–70; Победоносцев К.П. Соч. СПб., 1996. С. 426–427.
- ⁴⁸ См.: Розанов В.В. Последние листья. СПб., 2002. С. 151.
- ⁴⁹ Розанов В.В. Опавшие листья. М., 2004. С. 149.
- ⁵⁰ Там же. С. 118.
- ⁵¹ Первоначально летом 1895 г. статья, уже напечатанная в «Русском вестнике», не была пропущена цензурой. Тираж был арестован, статья подлежала вырезке и уничтожению, а редактор журнала Ф.Н. Берг получил выговор и предупреждение. Сам Розанов же был убежден в абсолютно монархическом содержании своей работы.
- ⁵² Розанов В.В. Уединенное. Опавшие листья. Апокалипсис нашего времени. Статьи о русских писателях / Сост. и comment. В.Г. Сукач. М., 2001. С. 28.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Lawrence D.H. Selected literary criticism / Ed. by Beal A. N.Y., 1956. P. 253.